

П. МИЛЮКОВЪ
СОВРЕМЕННАЯ ЯПОНИЯ

«Если бы мы захотѣли изобразить исторію Японіи въ послѣдніе полвѣка, то намъ пришлось бы сказать о ней гораздо больше, чѣмъ объ исторіи предшествовавшихъ двадцати столѣтій».

Katsuro Hara, Histoire du Japon (1926).

Въ 1903 году мнѣ пришлось читать въ Чикагскомъ университетѣ лекціи о внутреннемъ положеніи Россіи, вышедшія потомъ по - англійски и по - французски подъ заглавіемъ «Русскій Кризисъ». Моимъ сотсварищемъ по чтенію лекцій въ этотъ лѣтній семестръ оказался молодой японскій профессоръ Іенага. Мы вмѣстѣ жили въ университетскомъ общежитіи, ходили другъ къ другу на лекціи и обмѣнивались мыслями по поводу слышаннаго. Признаюсь, я завидовалъ японцу. Мнѣ приходилось рассказывать американцамъ о признакахъ приближающейся революціи, о тяжеломъ экономическомъ положеніи крестьянства, объ успѣшной пропагандѣ лѣвыхъ партій и т. п. А японецъ съ патріотическимъ пафосомъ говорилъ о святости и прочности власти микадо, о религіозномъ преклоненіи передъ его человѣческимъ обликомъ, о воинской доблести класса «самураевъ» (японскаго средняго дворянства) и о высокомъ уровнѣ ихъ «Бушидо» — кодекса рыцарской морали; о прочной нравственной связи народа съ властью и т. д. Я тогда шутилъ надъ Іенага, что его картина напоминаетъ мнѣ Россію имп. Николая I — въ славянофильскомъ изображеніи. Я не зналъ, въ то время, что былъ ближе къ истинѣ, чѣмъ самъ думалъ, и что вся эта политическая идеологія далеко не коренится въ сѣдой древности, но есть очень свѣжій продуктъ, идеализирующій старый строй въ моментъ его уже начавшагося разложенія. Такъ и у насъ — единственная теорія русской монархіи была составлена бывшимъ революціонеромъ Львомъ Тихомировымъ въ годъ первой русской революціи (1905). И лишь совѣмъ недавно мнѣ пришлось ознакомиться съ лекціями другого японскаго молодого лектора Юсуке Цуруми, читанными тоже передъ американской аудиторіей двадцатью годами позже — въ 1924 - 25 гг. Цуруми говорилъ теперь о Японіи то самое, что четверть вѣка назадъ мнѣ приходилось говорить о Россіи. И моя ошибка была лишь въ томъ, что вмѣсто четверти вѣка

я оцѣнили въ полвѣка запозданіе политическаго и соціального процесса между нашими обѣими странами.

Чтобы внести еще больше точности, надо, собственно, сократить и этот промежутокъ. Революція въ Японіи началась уже съ 1868 г. (а у насъ съ 1861 г., если считать съ года освобожденія крестьянъ). Конечно, это была — и по японской терминологіи — «буржуазная революція». Эпоху имп. Мейджи можно сопоставить съ эпохой «великихъ реформъ» Александра II. Чтобы сразу показать перспективу, отдѣляющую это начало отъ современности, скажу только сейчасъ же, что въ Японіи понадобилось еще 20 лѣтъ, чтобы дожить до конституціи 1889 г. и что наиболѣе значительныя перемѣны, превратившія старую Японію въ новую Японію, есть уже дѣло двадцатаго столѣтія: болѣе того, дѣло годовъ, послѣдовавшихъ за міровой войной 1914-1918 гг.

Какъ и у насъ, соціальная и политическая эволюція послѣдовала въ Японіи за предшествовавшей эволюціей экономической. И суть экономической эволюціи — одна и та же: постепенное и медленное превращеніе страны изъ аграрной въ индустриальную. Можно считать, что и пружина приводившая въ движеніе этотъ процессъ — та же самая: переростаніе населеніемъ наличныхъ средствъ питанія въ данный моментъ, — другими словами, перенаселеніе. Въ Японіи, какъ и во многихъ современныхъ странахъ, усиленіе роста населенія есть явленіе сравнительно недавнее. Въ дореформенную эпоху «Токугавы» (предшествовавшую эпохѣ «Мейджи») населеніе Японіи было стационарно: между 1721 и 1846 гг. это все тѣ же 26-27 милліоновъ. Съ тѣхъ поръ эта цифра сдѣлала скачекъ до 65 милліоновъ. Объясняется это не только нѣкоторымъ уменьшеніемъ смертности съ улучшеніемъ условій общественной гигиены, но главнымъ образомъ ростомъ количества рожденій, которое за послѣдніе полвѣка поднялось съ 6,9 до 15,5 на тысячу.

Правда, не вся Японія перенаселена. Значительная часть ея территоріи состоитъ изъ горныхъ возвышенностей, а удобныя для земледѣлія земли сосредоточены по берегамъ острововъ. Разработана только одна десятая или одна восьмая часть всей площади. Притомъ, населеніе предпочитаетъ ютиться въ южной части острововъ, гдѣ климатъ — субтропическій. Здѣсь живутъ болѣе 300 чел. на квадратный километръ, а если взять одну пашню, то на 1.000 гектаровъ пашни приходится высшая цифра въ мірѣ — 950 человекъ (въ Голландіи и Бельгіи 779 - 629; въ Англии 761, въ Россіи 96). Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ климатъ холоднѣе и населеніе рѣже: въ сѣверной поло-

---

винѣ о. Хондо менѣе 100 ч., на Хоккаидо и Карафуто — менѣе 50 ч. на кв. кил.

Какой же способъ — избавиться отъ результатовъ перенаселенія? О контролѣ надъ рожденіями въ Японіи, конечно, нечего и думать. Остается эмиграція. Но японецъ — плохой колонизаторъ. Въ 1929 г. изъ 65 миллионныхъ населенія (съ Формозой и Кореей — 90 милл.), только 650.000, т. е. одна сотая жила за-границей (въ томъ числѣ 200.000 въ Манчжуріи и 150.000 въ Китаѣ) и около 667.000 въ новопріобрѣтенныхъ странахъ (Корея и Формоза). Соединенные Штаты, Канада, Австралія, какъ извѣстно, формально закрыли доступъ японцамъ. Выходъ на острова Тихаго океана предполагаетъ войну: этотъ исходъ мы оставимъ въ сторонѣ. Остается, прежде всего, усиленіе внутреннихъ ресурсовъ страны. Кое-что сдѣлано въ этомъ направленіи. Производительность риса увеличена на 50%. Площадь распашки увеличена — до крайняго предѣла: въ послѣдніе годы она начинаетъ уменьшаться въ связи съ индустриализаціей. Во всякомъ случаѣ, ростъ потребления населенія сильно перегналъ увеличеніе внутренняго производства. Въ 1894 - 98 не хватало 1.393.000 коку риса, составляющаго главный предметъ питанія массъ. Въ 1922 - 26 эта цифра возросла до 8.498.000. Рисъ приходится ввозить на 70 милл. іенъ (іена - 12.50 фр.) изъ Индокитая и Бирманіи.

Платить сырьемъ за этотъ ввозъ съѣстныхъ продуктовъ Японія не можетъ. Единственное ея сырье — шелкъ, вывозимый почти исключительно въ С. Штаты, не покрываетъ дефицита. Слѣдовательно, нужно вывозить товары, продукты фабричнаго производства, т. е. индустриализировать страну. Это нужно и для того, чтобы давать занятіе пришлому изъ перенаселенныхъ деревень населенію. Но это также нужно — а при «имперіализмѣ» Японіи и прежде всего нужно, — чтобы производить внутри страны предметы военной индустрии. И тутъ Японія встрѣчаетъ самое серьезное препятствіе. Для индустриализаціи нужны три вещи: уголь, желѣзо и нефть. Какъ разъ этими залежами острова Японіи обдѣлены. Въ Соед. Штатахъ запасовъ угля считается на человѣка 34.274 тонны. Въ Китаѣ имѣется этихъ запасовъ только 2.320 тоннъ на человѣка. А въ Японіи ихъ всего 150. Также и запасы желѣза, которые въ С. Ш. составляютъ 37,9 тоннъ, въ Японіи доходятъ только до 1,5 тонны на человѣка. Для вывоза главной фабричной продукціи — тканей — нуженъ хлопокъ и шерсть. Ни того, ни другого вовсе нѣтъ въ Японіи: ихъ приходится ввозить на всѣ 100%. Мы уже отсюда можемъ заключить, какъ велика зависимость Японіи отъ вѣшнихъ рынковъ (Америка, Англія, Британская и Голландская Остиндія, Китай). Эта зависимость увеличивается въ той же про-

порции, въ которой растетъ индустриализация и, стало быть, потребность во всѣхъ этихъ предметахъ ввоза. Напр. для своихъ тканей въ 1913 г. Японія ввозила сырья на 268 милл. іенъ. Въ 1918 г. — уже 608, а въ 1928 — 687. Точно также металлическихъ издѣлій и машинъ въ эти же годы ввозилось на 66, 112 и 187 милл. іенъ.

Не мудрено, что уже съ 1890-хъ гг. ввозъ Японіи постоянно превышалъ вывозъ. Только въ годы мировой войны, благодаря разстройству мирового товарообмѣна, Японія вывозила много и сильно нажилась. Но тѣмъ сильнѣе послѣ окончанія войны ударилъ по Японіи кризисъ. Часть внѣшнихъ рынковъ была, естественно, потеряна; землетрясеніе 1923 г. нанесло огромный ущербъ народному хозяйству. Японія должна была разстаться съ значительной частью валюты, накопленной въ годы войны. Только наложивъ эмбарго на золото, она сохранила возможность сохранить свою золотую валюту. Но это — дорогая валюта, лишившая Японію возможности соперничать съ дешевой серебряной валютой китайцевъ и давшая послѣднимъ возможность конкурировать съ японскими торговцами въ Манчжуріи. Затѣмъ послѣдовали государственные займы въ Англии и Америкѣ, т. е. еще болѣе возросла зависимость отъ иностраннаго капитала.

При такомъ паткомъ положеніи внутренней экономики понятно будетъ значеніе для Японіи ближайшаго къ ней китайскаго рынка, который она принуждена дѣлить съ иностранцами, и Манчжуріи, которую она давно уже хочетъ обратить въ свою исключительную колонію. Только въ азіатскія страны можетъ идти главный предметъ японскаго фабричнаго производства — текстильный товаръ. И здѣсь Японія не безуспѣшно конкурируетъ съ Англійей. Напримѣръ, вотъ ввозъ въ Китай хлопчатобумажныхъ издѣлій (въ процентахъ):

	1913	1922	1923
Изъ Англии	53%	42%	38%
Изъ Японіи	20%	47%	51%

Изъ Манчжуріи Японія получаетъ въ большомъ количествѣ бобы (соя) и пшеницу. Тамъ имѣется добавочный уголь — лучшаго, чѣмъ въ Японіи качества; нефть, желѣзо, лѣсъ. А послѣ договоровъ 1925 и 1928 гг. съ СССР. Японія получила 50% нефтяной площади на сѣв. Сахалинѣ, уголь, лѣсъ — тамъ же, а по рыболовной концессіи 1928 за ней закрѣплены значительныя площади рыбныхъ ловель у Охотскихъ береговъ и на Камчаткѣ.

Параллельно съ экономической эволюціей шли и перемѣны въ социальномъ строѣ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ упомянуть о классѣ военнаго дворянства, «самураяхъ», сложившемся, какъ и наше служилое сословіе*), очень давно — въ Японіи еще въ тринадцатомъ вѣкѣ. Вліяніе самураевъ основывалось на его владѣніи служилыми участками. Надъ рядовымъ дворянствомъ господствовали аристократическіе кланы, изъ которыхъ четыре сохраняли вліяніе до позднѣйшаго времени: Сацума, Чошу, Тоса и Хисенъ. Все что ниже дворянства, — это были «нечистые» — въ своемъ происхожденіи «метеки» Японіи. Смыслъ революціи Мейджи въ социальномъ отношеніи заключался не столько въ уничтоженіи господствовавшаго класса, сколько въ его окончательномъ сліяніи съ торгово - промышленнымъ классомъ: сліяніи, начавшемся уже и ранѣе. Экономическое развитіе и здѣсь привело къ тому же результату, какъ у насъ въ Россіи: старыя земельныя отношенія стали невыгодны. Помѣщики предпочитали получить выкупныя платежи и на реализованный капиталъ открыть промышленныя заведенія у себя же въ деревнѣ или заняться коммерческими операціями. Въ 1871 г. «четыре сословія» были юридически уравнины. Кланы ликвидированы и замѣнены новымъ административнымъ дѣленіемъ на «кены» (префектуры). Высшіе феодалы («даиміо», которымъ «служили» самураи) получили мѣста губернаторовъ. Прізнана была закономъ частная собственность на землю (по нашему, «помѣстья» превращены въ «вотчины»), съ правомъ сдачи въ аренду. Продажа зерна объявлена свободной. Въ 1876 г. выкуплено правительствомъ жалованье самураевъ. Во главѣ страны стала централизованная верховная власть микадо, одержавшая побѣду надъ «шогунами» (феодальными властителями).

Съ этихъ поръ самураи (ихъ насчитывалось 400.000 «домовъ», при 486 «домахъ» аристократіи) пошли въ администрацію, въ качествѣ чиновниковъ, или въ торговлю и промышленность. Свое значеніе въ войскѣ они потеряли съ введеніемъ всеобщей воинской повинности. Японская армія перестала быть классовой. Наиболѣе культурные изъ самураевъ образовали первый слой японской интеллигенціи. Наиболѣе отсталые — пополнили ряды «империалистовъ», требовавшихъ уже въ семидесятыхъ годахъ агрессивной политики и захвата Корей. Нашлись наконецъ и непримиримые, не желавшіе разставаться со старымъ феодальнымъ строемъ. Въ 1874 году и особенно въ 1876 - 1877 гг. они подняли рядъ ожесточенныхъ возстаній противъ новаго порядка. Возстаніе 1877 г. въ кланѣ Сацума было съ трудомъ подавлено

---

*) Самое слово «Самураи», значить буквально: «служилый человѣкъ».

шестьдесятю тысячами войска, причемъ было потеряно 6,000 убитыми и 10 тысячъ ранеными.

Не менѣе глубоки и важны были и перемѣны въ положеніи крестьянства. Выйдя на полусвободу, крестьяне фактически оставались крѣпкими землѣ*), разбитой на карликовые участки. Съ другой стороны, свобода мобилизаціи земли привела къ концентраціи земель въ рукахъ немногихъ крупныхъ помѣщиковъ. На одномъ полюсѣ землевладѣнія имѣется теперь около 50.000 крупныхъ (относительно, конечно) помѣщиковъ, владѣющихъ въ среднемъ участками выше 10 гектаровъ, и 350.000 среднихъ и мелкихъ помѣщиковъ, владѣющихъ участками отъ 5 до 10 гектаровъ. Это, очевидно, и есть остатки старыхъ аристократовъ и самураевъ. На другомъ полюсѣ насчитывается 4.580.000 мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ ниже трехъ гектаровъ. Изъ нихъ 3.679.000 владѣютъ меньше чѣмъ по гектару каждый, а изъ этихъ послѣднихъ — 2.479.000 — меньше 0,5 г. Прибавимъ, наконецъ, къ этому перечню 1.526.000 безземельныхъ, снимающихъ крошечные участки земли въ аренду. Приарендовываютъ и владѣльцы мелкихъ участковъ. Въ общемъ въ 1865 г. 36% всей земли, а въ 1927 г. уже 46% обрабатывалось арендаторами. Отъ 10 до 15% владѣльцевъ не жили вовсе въ своихъ деревняхъ. Положеніе арендаторовъ въ Японіи было такъ же плохо, если не хуже, чѣмъ у насъ въ Россіи въ концѣ XIX вѣка. Средняя арендная плата составляла 50-55% урожая. Но къ этому прибавлялись дополнительные сборы, доводившіе плату до 80%. А оставалось еще государство, которому надо платить налоги, торговецъ, ростовщикъ, взимавшій съ крестьянина до 50% годовыхъ. Какъ и въ Россіи, крестьянинъ принужденъ былъ продавать свой хлѣбъ осенью, когда цѣны дешевы, и покупать его весной, когда цѣны стояли дорого. Все это объясняетъ огромную задолженность (у насъ — недоимочность) крестьянъ, составлявшую (аренда и налоги) въ 1925 г. пять миллиардовъ іенъ.

Въ результатѣ и въ Японіи мы встрѣчаемся съ глубокимъ аграрнымъ кризисомъ и съ постоянно усиливающимися крестьянскими волненіями. Число ихъ быстро растетъ, какъ видно изъ слѣдующей таблички.

1917 — 1920	отъ 85 до 408	ежегодно
1921 — 1924	отъ 1.680 до 1.917	„ „
1925 — 1927	отъ 2.052 до 2.751	„ „

---

*) Населеніе было уже крѣпко землѣ и тогда, когда самураи, подобно нашимъ служилымъ людямъ удѣльнаго времени, переходили вмѣстѣ съ своимъ «даимію», изъ одной области въ другую.

Каковы причины крестьянских волнений? Они выясняются из крестьянских требований, которые сводятся, главным образом, къ тремъ пунктамъ: уменьшеніе арендной платы, отмена добавочныхъ поборовъ и право продолженія аренды. Последнее требованіе особенно характерно. Землевладельцы стремятся освободить землю отъ земледѣлія, чтобы воспользоваться ею для промышленныхъ цѣлей. Насколько этотъ мотивъ волнений важенъ, видно изъ того, что въ 1924 г. онъ давалъ поводъ лишь для 1,6% крестьянскихъ волнений, тогда какъ въ 1925 г. эта цифра поднялась до 7,8%, въ 1926 до 12%, въ 1927 до 21%, въ 1928 до 25%, въ 1929 до 32%, въ 1930 до 54%, т. е. этой причиной вызывалось болѣе половины всѣхъ волнений, число которыхъ въ эти послѣдніе три года держалось на 2.000.

Что касается рабочаго класса (къ нему мы вернемся), его образованіе въ Японіи совершалось еще медленнѣе, чѣмъ у насъ. Работа на фабрикахъ долго оставалась отхожимъ промысломъ для крестьянъ. Этимъ объясняется, какъ низкій уровень заработной платы, такъ и низкая производительность труда. Результатъ плохой работы — высокая себѣстоимость продукціи. Такъ въ Англіи, гдѣ заработная плата вдвое выше, продукты хлопчатобумажной фабрики въ Манчестерѣ на треть дешевле, чѣмъ тѣ же фабрикаты, произведенные въ Осакѣ. Отсюда вытекаетъ необходимость протекціонизма, какъ единственной возможности избавить дорогіе японскіе товары отъ иностранной конкуренціи. Какъ всегда, за необходимость протекціонизма расплачиваются низшіе классы.

Общій выводъ изъ этого краткаго очерка социальныхъ переменъ — тотъ же, что и изъ характеристики переменъ экономическихъ. Старый строй Японіи отошелъ въ прошлое; новый находится въ процессѣ образованія, и несомнѣнной его чертой является гораздо большая сложность и меньшая устойчивость, чѣмъ стараго строя. Въ этомъ сравненіи не заключается ни похвалы, ни порицанія, а только констатированіе факта. Переходъ отъ стараго къ новому для Японіи такъ же неизбеженъ, какъ и для другихъ государствъ, выходящихъ изъ средневѣковья. Но здѣсь онъ совершается болѣе болѣзненно — отчасти вслѣдствіе своей запоздалости, отчасти же вслѣдствіе особыхъ мѣстныхъ условій японскаго «мѣсторазвитія».

Переходимъ теперь къ эволюціи политическаго строя. И здѣсь мы найдемъ рядъ знакомыхъ намъ чертъ. Самой существенной изъ нихъ является борьба за сохраненіе центральной государственной власти, облекшейся въ форму самодержавія и опирающейся на поддерживающій ее дворянскій классъ. Въ виду такого характера политическаго процесса, въ политическихъ

учрежденіяхъ долѣе, чѣмъ въ другихъ разобранныхъ выше областяхъ жизни, сохраняется вліяніе старинныхъ пережитковъ. Архаизмъ политическаго строя, при далеко ушедшихъ впередъ экономическихъ и социальныхъ процессахъ, здѣсь, какъ и повсюду, является причиной назрѣвающихъ государственныхъ потрясеній.

Въ числѣ пяти пунктовъ, провозглашенныхъ молодымъ императоромъ Мейджи 14 марта 1868 г., былъ одинъ, гласившій: «совѣщательныя учрежденія должны быть установлены, и всѣ официальные акты должны быть въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ». Двусмысленность этихъ выраженій какъ нельзя болѣе напоминаетъ доконституціонныя заявленія русской верховной власти въ тѣ моменты, когда она вынуждалась къ уступкамъ. Однако, выраженія «совѣщательныя учрежденія» и «общественное мнѣніе» показываютъ, что совѣтники императоровъ, составлявшіе этотъ документъ, хорошо понимали, въ какомъ направленіи идутъ нежелательныя для нихъ уступки. До конституціи, во всякомъ случаѣ, отъ этого туманнаго обѣщанія было еще далеко.

Японія обязана выходомъ изъ этого подготовительнаго къ свободнымъ учрежденіямъ періода, съ одной стороны, мѣстному самоуправленію, которое я безъ колебаній буду называть русскимъ терминомъ «земство», съ другой стороны, — интеллигенціи, университету и печати, по обыкновенію пошедшимъ въ своихъ политическихъ стремленіяхъ значительно дальше, чѣмъ пионеры политическихъ требованій, — земскіе люди.

Часть помѣщиковъ, сохранившихъ вліяніе на мѣстахъ, оказалась съ самаго начала реформъ въ оппозиціи къ новоявленной централизованной власти. Въ оппозицію перешли цѣлые кланы, обдѣленные политическимъ вліяніемъ, какъ Тоса и Хисенъ. Каждый изъ нихъ выставилъ своего вождя оппозиціи: Тоса — Итагаки, а Хисенъ — Окуму. Въ 1889 г. образовалась первая группа сторонниковъ парламента («Коккай - Кисей - Домейкай»). Въ ней были представлены 28 мѣстныхъ организацій, разсѣянныхъ въ 22 префектурахъ, съ общимъ числомъ членовъ болѣе 87.000 чел. Въ слѣдующемъ 1881 г. основана первая либеральная партія «Дзіюто», съ Итагаки во главѣ. Это была партія, требовавшая широкихъ политическихъ правъ и социальныхъ реформъ. Ее можно было бы сравнить съ нашимъ «Союзомъ Освобожденія». Болѣе умѣренная партія Окумы («Кайсейто») выдвигала болѣе конкретныя требованія: выборность мѣстной администраціи, уменьшеніе налоговъ. Правительство попробовало было распустить «Дзіюто». Но послѣдовалъ рядъ серьезныхъ безпорядковъ въ рядѣ мѣстностей, и власть принуждена была уступить. Она

наконецъ объявила открыть парламентъ, черезъ девять лѣтъ, т. е. въ 1890 г. Въ ожиданіи этого срока правительство принимаетъ (какъ и въ Россіи) промежуточные мѣры. Собираются совѣщанія земствъ при губернаторахъ, производятся выборы въ собранія префектуръ, учреждается (1885) кабинетъ министровъ. Но въ то же время принимаются и мѣры предосторожности противъ ожидаемыхъ эксцессовъ печати и общественности. Въ 1875 г. уже издано строгое «Положеніе о печати», въ 1882 г. «Положеніе о публичныхъ собраніяхъ». Имѣется и Положеніе «объ охранѣ общественнаго спокойствія» (1887). Наконецъ, учрежденъ (помимо стараго Генро) Тайный Совѣтъ — личный органъ императора, присвоившій себѣ вполнѣдствіи права автентическаго толкованія конституціи и воздѣйствія на приведеніе въ исполненіе законовъ.

Проектъ конституціи поручено было составить Ито — вполнѣдствіи извѣстному политическому дѣятелю, изъ клана Сацума. Для этой цѣли онъ спеціально командированъ за-границу, увлекается ученіемъ Лоренца Штейна — и составляетъ проектъ конституцій по прусскому образцу. Это та самая «лжеконституція», которая послужила однимъ изъ образцовъ для нашихъ основныхъ законовъ 1906 г. Представительство по этой конституціи состоитъ изъ двухъ палатъ. Нижняя составляется изъ депутатовъ, избранныхъ на основаніи цензоваго избирательнаго права, активнымъ правомъ пользуются плательщики 15 іенъ прямыхъ налоговъ. Верхняя палата составлена изъ принцевъ крови и крупныхъ феодаловъ — по назначенію императора и верховъ промышленнаго и земледѣльческаго класса, — единственныхъ выбираемыхъ соотвѣтственными классами. Императоръ сохраняетъ самую широкую прерогативу. Въ 1909 г., въ отпоръ приближающейся волнѣ демократизаціи, особымъ указомъ военныя и морскія дѣла опредѣленно изъемяются изъ вѣдѣнія палаты. Этимъ объясняется особое положеніе военной касты въ этомъ политическомъ строѣ. Министры не отвѣтственны передъ палатой. Въ случаѣ нужды предвидится возможность законодательства въ порядкѣ чрезвычайныхъ указовъ, представляемыхъ палатѣ послѣ введенія ихъ въ дѣйствіе.

Несмотря на всѣ эти ограниченія, объявленіе конституціи вначалѣ вызвало большой энтузіазмъ. Смыслъ этого энтузіазма сталъ понятенъ, когда выборы въ первую палату (1890 - 1891) дали оппозиціонное большинство. Палата сразу вступила въ борьбу съ правительствомъ. Она отвергла бюджетъ, отказала правительству въ морскихъ вооруженіяхъ и въ устройствѣ сталелитейной промышленности. Судьба этой палаты была та же, какъ и нашей первой государственной думы. Она была распущена. Параллель можно продол-

---

жить и нѣсколько далѣе. Вторые выборы, съ вмѣшательствомъ въ нихъ жандармовъ и войскъ, поведшимъ къ кровопролитію, дали тѣмъ не менѣе снова абсолютное большинство оппозиціи. Но, въ противоположность нашей второй думѣ, эта палата пошла по тому пути, который заднимъ числомъ совѣтуетъ принять русской либеральной оппозиціи В. А. Маклаковъ. Японскій Столыпинъ, Ито сталкивался съ японской партией народной свободы «Дзюто», напуганной крестьянскими волненіями. Онъ далъ ей подачку въ видѣ уменьшенія прямыхъ налоговъ, и партія превратилась въ... «октябристскую». Представительство въ Японіи приспособилось къ положенію и акклиматизировалось. Но оно перестало быть «народнымъ». А промежуточная позиція, занятая Ито, оказалась, какъ и у русскаго Столыпина, непрочной. Онъ нашелъ опаснаго соперника въ лицѣ члена того же клана, Ямагаты, болѣе праваго по убѣжденіямъ. Ямагата — творецъ японской арміи, побѣдившей въ двухъ войнахъ съ Китаемъ и съ Россіей, пользовался огромнымъ вліяніемъ въ странѣ. Онъ наполнилъ своими приверженцами и Верхнюю палату, и Тайный Совѣтъ — и сдѣлался полнымъ господиномъ положенія. Ито, не говоря уже о вождахъ либерализма, Итагаки и Окумѣ, перешли въ оппозицію. Если угодно, можно видѣть въ этомъ оппозицію аграріевъ противъ центра и городского капитализма. На тридцать лѣтъ господство японской бюрократіи закрѣпилось. Политическая роль либерализма была парализована цѣлымъ рядомъ непреодолимыхъ препятствій. Прежде всего, — дороговизной политическихъ выборовъ. Цуруми въ своихъ лекціяхъ приводитъ примѣръ того, какъ дешево обходились выборы въ первую палату. Поневолѣ мы опять вспоминаемъ первую государственную думу. Нѣкій ученый Ниши уплатилъ за выборы всего одну іену: это была плата тому рикшѣ, который доставилъ его изъ его деревни въ городъ на избирательное собраніе. А въ 1924 году средній расходъ на выборы составлялъ 50.000 іенъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ кандидату приходилось расходовать до 200.000 или даже до 400.000 тысячъ. Конечно, при этомъ личность кандидата отходила на второй планъ передъ его карманомъ. А такъ какъ кандидатъ рассчитывалъ вернуть себѣ расходы во время отправленія депутатскихъ функцій, то... онъ становился доступенъ подкупу. Коррупція сдѣлалась характерной чертой депутатскаго званія, и, естественно, репутація народнаго представительства сильно пострадала отъ этого. Чтобы остаться подольше депутатомъ, членъ палаты долженъ былъ подчиняться правительственнымъ указаніямъ, ибо иначе грозилъ довременный роспускъ палаты. А при широкомъ вліяніи на слѣдующіе выборы министерства внутреннихъ дѣлъ, губернатора и полиціи — всякій понималъ, что это значитъ. Въ 1915 г. Окума, въ 1917 г. Те-

---

раучи распустили палаты — и получили на выборах огромное правительственное большинство. При безответственности министров перед палатой, советники императора имели безконтрольное влияние на выбор премьер-министра. До своей смерти (1922) ставил премьер-министров, в сущности, Ямагата. Но роль премьер-министра, как и роль министров, была весьма неблагоприятной. Все важные решения, особенно в военных и дипломатических вопросах, шли мимо них; премьер узнавал о решениях, когда они уже приводились в исполнение. Министерства были наполнены служащими, принадлежавшими к всеобщей бюрократии, и в своем собственном ведомстве министр был безсилен. Горькие жалобы по этому поводу можно прочесть в статье экс-министра кабинета Окумы, Юкио Озаки. Так шло дело до мировой войны. С этого времени либерализм нашел поддержку в окрещенном среднебуржуазном слое. «Создался широкий, состоятельный и независимый средний класс», так формулирует эту перемену Цуруми — и тут же прибавляет вторую черту: «вызвано к жизни активное рабочее движение». Я присоединяю к этим двум и третью. Появилась широко распространенная в массах — и тоже независимая печать. Она не была партийной, но очень радикальной: этого требовал широкий круг читателей. Вместе с тем сложился круг писателей — журналистов, прежде не находивших журнального заработка, а теперь хорошо обеспеченных материально. «Опасная», по мнению правительства мысли таких популярных писателей, как профессор Нитобе или Йошино получили самое широкое распространение. Процент неграмотных упал до 5%. Теперь «каждый рикша читает газету в ожидании клиента». Немудрено, что тиражи наиболее распространенных газет выросли до цифр, не уступающих парижским. Две газеты, издаваемые одним консорциумом в Токио и Осаке, «Майничи» и «Ничи - Ничи» распространяются в двух и 1¼ миллионах экземпляров. Около этого имеют и издаваемые в тех же городах газеты «Асахи». Газета «Хочи» распространяется в ¾ миллионов экземпляров. Редакции помещаются в собственных домах, в 5 - 7 этажей.

Все указанные обстоятельства сильно изменили картину политического положения после мировой войны. Либерализм далеко еще не успел осуществить всей своей программы, но ему на смену в общественном мнении шли уже более радикальные течения, сильно окрашенные социальным элементом. И, как всегда в таких случаях, правительство стало относиться внимательнее к... либерализму. Осенью 1918 г. на смену консервативному кабинету Тераучи сформировался кабинет Хара, из той же партии сейю-

---

кай. Но Хара впервые принял позу премьера партийного кабинета («первый коммонеръ») и расположил въ свою пользу либераловъ, отмѣнивъ мѣры противъ свободы печати. А съ 1919 г. широкая публика повернула къ социализму. Дальнѣйшую судьбу развивающагося парламентаризма можно прочесть въ названіяхъ смѣнявшихся кабинетовъ. Въ 1924 г. былъ испробованъ коалиціонный кабинетъ Като, гдѣ получила участіе либеральная партія кенсекай. Въ 1926 г. онъ замѣненъ чисто либеральнымъ кабинетомъ Вакацуки. Послѣ промежутка — возвращенія къ империалистско-военному кабинету Танаки (1927 - 1929) мы имѣемъ новый поворотъ къ либерализму. Въ 1929-31 гг. правятъ два кабинета обновленной либеральной партіи «Минсейто» — Хамагучи и снова Вакацуки. Въ самое послѣднее время Японіей правилъ снова империалистскій кабинетъ, вовлекшій страну въ манчжурскую авантюру. Но послѣ убійства Инукаи военными заговорщиками національ - социалистическаго типа, по совѣту Сайоджи, микадо счелъ нужнымъ снова прибѣгнуть къ внѣпартийному коалиціонному кабинету, — въ который, однако же Вакацуки отказался вступить. Несомнѣнно, кабинетъ этотъ является результатомъ полной побѣды военной партіи, усилившейся вслѣдствіи объединенія двухъ господствующихъ клановъ, прежде соперничавшихъ другъ съ другомъ. Самое это объединеніе сухопутныхъ генераловъ съ моряками свидѣлствуетъ о возросшей опасности слѣва.

Какъ видимъ, побѣды либерализма и до сихъ поръ далеко не полны. Съ начала 20-хъ годовъ либералы вмѣстѣ съ лѣвыми соединились на одномъ лозунгѣ — всеобщаго избирательнаго права. Послѣ постигшаго Японію страшнаго землетрясенія 1923 г., вызвавшаго опасеніе, что усилятся народныя движенія, правительство уступило: Ямамото объявилъ въ палатѣ, что онъ вноситъ соответствующій законопроектъ. Всеобщее избирательное право и было проведено въ 1925 г., и на основаніи новаго закона уже дважды были проведены выборы (1928 и 1931).

Чѣмъ, однако же, объясняется неполнота побѣды либеральнаго теченія? Я не рѣшаюсь говорить объ этомъ съ полной увѣренностью, но позволю себѣ высказать нѣкоторыя предположенія. Весьма вѣроятно, что именно империализмъ сблизилъ между собой политическія теченія. Это сближеніе нашло себѣ поддержку въ несомнѣнномъ поворотѣ широкой японской общественности въ сторону націонализма. Причины этого поворота разнообразны. Во - первыхъ, въ этомъ направленіи долженъ былъ дѣйствовать общій ходъ развитія японской національной культуры. Мы присутствуемъ съ нѣкотораго времени при окончаніи затянуващагося періода подражанія иностраннымъ

нововведеніямъ, — періода, отгѣснившаго національные элементы культуры, но не упразднившаго ихъ. Подражаніе иностранцамъ сказывалось какъ во всемъ внѣшнемъ обликѣ жизни, такъ и въ области японскаго творчества. Нравы большого города слишкомъ американизировались, бросались въ глаза новыя привычки къ западному комфорту и роскоши, семейныя традиціи поколебались съ выходомъ женщины за предѣлы семейнаго очага. Но вотъ, японская «душа» «нашла себя» въ литературѣ. Иностранное вліяніе, несомнѣнно, оплодотворило японское воображеніе и дало литературѣ новыя формы. Но послѣ погони за новыми теченіями въ чужихъ странахъ и послѣ усвоенія европейской международной техники, японскіе писатели, такъ сказать, вернулись домой. Этому возвращенію содѣйствовали два слѣдующія обстоятельства, совпавшія во времени и произведшія сильное впечатлѣніе на японскую психологию. Первымъ изъ нихъ было японское землетрясеніе 1923 г., стоившее жизни болѣе чѣмъ 200.000 человекъ, раззорившее многія семьи, разрушившее цѣлыя города, нанесшее тяжкій уронъ народному хозяйству и напомнившее населенію о старинныхъ національныхъ привычкахъ бережливости и дисциплины. Возвращеніе къ прежнимъ «добродѣтелямъ», какъ всегда, сопровождалось осужденіемъ новыхъ нравовъ. Кромѣ того, вся нація почувствовала потребность сблизиться для взаимной поддержки, моральной и матеріальной. Вторымъ толчкомъ, содѣйствовавшимъ рецидиву націонализма, было рѣшеніе конгресса Соед. Штатовъ, запретившаго въ 1924 г. японскую иммиграцію. Японцы и раньше того, по «джентльменскому соглашенію» 1907 г. прекратили добровольно иммиграцію въ С. Штаты. Но то, что было прикрыто формой добровольности, почувствовано было какъ кровное оскорбленіе всему народу, когда было облечено въ форму внутренняго закона. И особенно чувствительно было то, что сдѣлала это Америка, которая въ глазахъ передовой японской общественности была воплощеніемъ справедливости и доброжелательства по отношенію къ Японіи. Чувство обиды было такъ сильно и глубоко, что именно съ тѣхъ поръ заговорили особенно настойчиво о возможности военнаго конфликта на Тихомъ океанѣ. Третьимъ мотивомъ возрожденія націонализма была реальная опасность торжествующаго національнаго движенія въ Китаѣ для интересовъ Японіи. Въ другомъ мѣстѣ (см. мою статью въ № 49 «Совр. Записокъ») я показалъ, какъ въ результатъ этого движенія иностранцы теряли свои завоеванія въ Китаѣ и какъ Японія, которая поддерживала движеніе, пока оно было направлено противъ другихъ иностранцевъ, начала противодействовать ему — черезчуръ поздно, — когда оно обернулось и противъ нея самой. Недавнія военныя дѣйствія въ Шанхаѣ вовсе не были только «залю-

---

гомъ», чтобы послужить для торговли съ міровой дипломатіей относительно предстоящихъ приобрѣтеній въ Манчжуріи. И ихъ непосредственная цѣль была, по моему мнѣнію, — спасти японскія привилегіи въ важнѣйшемъ торговомъ центрѣ, которому грозитъ скорая ликвидація. И попытка захватить въ монопольное распоряженіе Манчжурію, еще не закончившаяся, была продиктована необходимостью снѣшить и воспользоваться послѣднимъ удобнымъ международнымъ моментомъ общей усталости и кризиса для закрѣпленія своихъ «спеціальныхъ интересовъ» въ этой обширной области. Другое дѣло, насколько эта торопливость окажется цѣлесообразной. Но выполненіе посмертнаго завѣщанія Танаки именно теперь встрѣтило, повидимому, меньшее сопротивление со стороны общественнаго мнѣнія Японіи, чѣмъ можно было ожидать. Опять таки, другой вопросъ, насколько это націоналистическое настроеніе японской общественности окажется длительнымъ.

Нужно, наконецъ, упомянуть и о четвертой причинѣ, давшей толчокъ къ возрожденію націонализма. Это именно страхъ соціальной революціи въ Японіи. О возможности соціальной революціи много говорятъ иностранцы. Но, повидимому, объ этомъ начали задумываться и японскіе политическіе дѣятели. Каковы мотивы для такихъ опасеній?

До 1901 г. развитіе социализма въ Японіи было мало замѣтно. Это было, такъ сказать, инкубационный періодъ. С. д. партія была организована уже въ 1901 г. Но она опиралась тогда только на интеллигентскую доктрину. Въ 1906 г. (10 лѣтъ спустя послѣ такого же явленія въ Россіи) крупная желѣзнодорожная стачка въ сѣверной Японіи дала впервые социалистамъ надежду опереться на народныя массы. Въ 1910 г. партія попыталась вступить на путь терроризма. Была раскрыта попытка покушенія на императорскій домъ. Послѣ того послѣдовало запрещеніе партіи, которая принуждена была скрыться въ подполье. Но черезъ два года, въ 1912 г. была найдена другая легальная опора. Образовался первый профессиональный союзъ «Ю-ай-кай», ставшій ядромъ будущей федераціи труда. Настоящее начало рабочаго движенія относится уже къ годамъ міровой войны — 1914 - 1918 гг. Громадный спросъ на трудъ въ эти годы, промышленный бумъ, высокая заработная плата — все это благоприятствовало росту рабочаго движенія. Нужно также отмѣтить впечатлѣніе, полученное отъ русской революціи 1917 г. Уже ранѣе мы встрѣчаемъ интересъ къ соціальному движенію въ Россіи, вызванный отголосками ученій Толстого въ японской литературѣ. Видный писатель Аришима, человѣкъ со средствами, роздалъ все свое имѣніе подъ вліяніемъ взглядовъ Толстого. Окончательно вышло наружу съ своей организаціей и съ

своими требованиями рабочее движение в годы послѣвоеннаго кризиса. Въ 1919 - 1921 гг. послѣдовалъ цѣлый рядъ забастовокъ. Первоначальныя теоретическія и программныя требованія, внушенныя интеллигенціей, уступили тутъ мѣсто требованіямъ практическимъ. Вообще за короткій десятилѣтній промежутокъ 1912 - 1922 г. въ японскомъ социализмѣ смѣнился цѣлый рядъ оттънковъ. Начавъ съ либеральныхъ настроеній и перейдя къ Марксу и Энгельсу, это движеніе въ 1919 г. перешло къ синдикализму и выставило лозунги: долой политику; контроль надъ промышленностью. Въ 1922 г. оно стало коммунистическимъ, а когда проведенъ былъ законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, повернулось частично къ ревизионизму. Конфликтъ двухъ послѣднихъ теченій произошелъ въ этомъ году на съѣздѣ 136 рабочихъ союзовъ 30 сентября въ Осакѣ. Коммунисты выступили съ требованіемъ объединенія рабочихъ союзовъ въ единую конфедерацію. Синдикалисты отстаивали начало свободнаго сотрудничества отдѣльныхъ союзовъ. Конференція закончилась среди шума и беспорядка, но осталось впечатлѣніе побѣды коммунистовъ. Въ 1926 г. была создана легальная «рабоче - крестьянская партія» («Родо Наминто»); изъ за введенія въ нее лѣвыхъ произошелъ расколъ, и появились двѣ новыя партіи. На выборахъ 1928 г. коммунисты выступали открыто. Въ парламентъ было проведено нѣсколько депутатовъ отъ рабочихъ.

Конечно, все это не говоритъ еще о серьезной опасности для государственнаго строя. Въ Японіи насчитывается 4.772.000 рабочихъ. Изъ нихъ «организованы» только 342.000. Изъ этого числа большевики насчитываютъ только 20-25 тысячъ членовъ, организованныхъ въ профсоюзы, принадлежащихъ къ ихъ революціонному лагерю.

Но надо прибавить, что социальное движеніе распространено далеко за предѣлами рабочаго движенія. Въ частности, большимъ успѣхомъ пользуется, повидимому, въ Японіи христіанско - социальное движеніе. Имѣется даже свой «японскій Ганди», имя котораго, вѣроятно, скоро станетъ извѣстно всему свѣту. Его имя: Тойохико Кагава. На этой фигурѣ стоитъ остановиться. Кагавѣ теперь 44 года. Къ христіанству онъ пришелъ черезъ буддизмъ. Извѣстна склонность японцевъ къ религіозному синкретизму. Такъ они привили конфуціанство къ родному шинтоизму, буддизмъ къ конфуціанству и — въ послѣднее время — пытаются привить христіанство къ буддизму, какъ великій путь къ спасенію, «даидоджи». Какъ и Сунъ - Ятъ - Сенъ, Кагава научился христіанству у миссіонеровъ. Но онъ кончилъ Пристонскій университетъ въ Соед. Штатахъ — отнюдь не для того, чтобы приготовить себя къ карьерѣ методистскаго пастора. Воспитанный въ состоятельной сре-

---

дѣ, онъ уже ранѣе прошелъ школу лишений среди бѣдняковъ, къ которымъ примѣнялъ ученіе о добромъ самаритянинѣ. Онъ изучилъ жизнь городскихъ трущобъ и подонковъ. Онъ успѣлъ стать также популярнымъ писателемъ, котораго сравнивали съ Горькимъ. Его книги распространялись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Подъ его вліяніемъ были отмѣнены въ 1925 г. мѣры противъ профессиональныхъ союзовъ и верхняя палата ассигновала миллионъ долларовъ на перестройку рабочихъ жилищъ въ шести большихъ городахъ Японіи. Одно время правительство покровительствовало его митингамъ, считая, очевидно, что религія отвлекаетъ отъ социализма. Но недаромъ его тужурка, на манеръ толстовки, стала обычнымъ костюмомъ японскаго рабочаго. Не примыкая ни къ какой партіи, Кагава оказалъ сильную поддержку рабочему и крестьянскому движенію. Онъ — рѣшительный противникъ націонализма и имперіализма. Когда онъ касается этой темы, его проповѣдь дышетъ негодованіемъ и бичуетъ. «Японія охвачена смерчемъ страха», обличаетъ онъ шовинистовъ. «Ея строй потрясенъ до самаго основанія. Я не разумѣю подъ этимъ, что Японія лишена арміи и правительства... Но вмѣстѣ съ землей во время великаго землетрясенія потрясена и душа Японіи. Японскій народъ не вѣритъ больше другъ другу, не вѣритъ въ себя... Это меня печалитъ. Было время, когда японскій народъ думалъ, что нація создана мечемъ, что мечъ — душа Японіи. Но это время прошло. Отнынѣ въ душѣ японца должна царить любовь. Одна любовь покоряетъ міръ. Всѣ люди, мечтавшіе о мировой имперіи, погибли. Александръ Великій, Юлій Цезарь, Наполеонъ, кайзеръ — всѣ исчезли, какъ сонъ. Побѣда мечемъ — временна; она не имѣетъ никакой прочности».

Религія Кагавы дѣйственна. День и ночь онъ молится и проповѣдуетъ. За нимъ идутъ. Кагава любитъ бѣдныхъ, и не любитъ арміи. Онъ борется противъ военной службы. Его называютъ японскимъ Толстымъ и св. Францискомъ.

Я не берусь предсказывать, что выйдетъ изъ всѣхъ описанныхъ переменъ, превратившихъ старую Японію въ новую. Но, если можно сдѣлать выводъ изъ всего сказаннаго, то, прежде всего, этотъ выводъ будетъ состоятъ въ томъ, что вовсе не нужно искать разгадки души японскаго сфинкса, чтобы понять, что тамъ происходитъ. Мои сравненія съ другими странами — и прежде всего съ Россіей — не есть только литературный приѣмъ. Въ ихъ основѣ лежитъ не внѣшнее сходство, а глубокое тожество процессовъ исторической жизни. Можно сдѣлать и второй выводъ. Японія вовсе не есть тотъ монолитъ, котораго такъ боятся люди, когда — то презиравшіе «макаковъ». Это скорѣе

конгломератъ сложныхъ явленій, — конгломератъ, въ которомъ творческія и разрушительныя начала сплетаются въ общій клубокъ. И какъ разъ тѣ силы, на которыхъ думали основать могущество старой имперіи, могутъ, по вѣрному замѣчанію Кагавы, оказаться разрушительными.

Можно бы было вывести отсюда и нѣкоторый прогнозъ относительно послѣдствій того конфликта, въ который Японія втянута старымъ духомъ, теперь рѣшительно отошедшимъ въ прошлое. Злой геній Танаки витаетъ надъ происходящимъ. Два раза ему не удалось при жизни его имперіалистскія затѣи: въ 1919 - 22 гг. въ Сибири и въ 1927 - й г. въ Шантунгѣ. Трудно думать, чтобы третья затѣя, гораздо болѣе серьезная и трудная, удалась теперь наслѣдникамъ Танаки. Противъ ея успѣха говорятъ не только тѣ препятствія, которыя уже обнаружили въ Манчжуріи. Противъ нея — основное настроеніе народныхъ массъ въ самой Японіи, гораздо лучше выражаемое ея печатью и проповѣдями Кагавы, чѣмъ воинственными рѣчами министровъ. Прежде между этими дѣйствительными настроеніями и нашими впечатлѣніями о японской монолитности стояла стѣна нашего невѣдѣнія о Японіи. Пора теперь эту стѣну разрушить, чтобы возстановить взаимное пониманіе между народами. Я былъ бы радъ, если бы эту задачу помогла хотя бы отчасти выполнить настоящая моя статья.

П. Милоковъ.